

Алексей
ЯКУБОВ

ОТЧИЗНЫ
НЕДЕЛИМЫ
НЕБЕСА

Алексей Якубов родился в городе Хасавюрт Дагестанской АССР. Работал на заводе. Получил специальность экономиста. По специальности работал на заводах и фабриках Бухары, Грозного, Махачкалы. Печатался в газетах, альманахах и журналах Дагестана, Узбекистана, Чечено-Ингушетии. Живет в Грозном. «Отчизны неделимы небеса» — первая книга поэта.

Имя Алексея Якубова неизвестно все-союзному читателю, хотя в новом поколении татских поэтов уже ярко и уверенно проявился его голос. Главная отличительная черта его поэзии — гражданственность, чувство подлинного интернационализма, братства народов нашей страны. Это особенно важно в наше острое и неоднозначное время. Думаю, что желание поэта своим творчеством высветить и защитить истинные идеалы Революции созвучно и задачам нашей сегодняшней перестройки.

Радостно также, что читатель познакомится и с добрым лириком, умеющим любить и ценить добро и верность живущих с ним на земле.

Искренне желаю Алексею Якубову удачливой поэтической судьбы, а нашему читателю — обрести интересного национального автора и желанного собеседника.

Раиса РОМАНОВА

Алексей
Якубов

Отчизны
неделимы
небеса

Стихи и поэма

*Авторизованный перевод
с татарского Юрия УВАРОВА*

Москва
«Молодая гвардия»
1990

Художник Валерий ИВАНОВ

Якубов А.

Я 49 Отчизны неделимы небеса: Стихи и поэма / Алексей Якубов; Авториз. пер. с татского Ю. Уварова; [Худож. В. Иванов].— М.: Мол. гвардия, 1990.— 80 [1] с., ил.— (Б-ка журн. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»; № 10 (425)).

ISBN 5-235-01163-5

ISSN 0131—2251

Книга молодого поэта ясно и бескомпромиссно отвечает идеям нашего времени — отстаиванию национального самосознания малых народов, их единению в границах великой Родины.

ББК 84Татск7

© Издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1990 г.
№ 10 (425)

Выпуск произведений в Библиотеке журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» приравнивается к журнальной публикации.

ISBN 5-235-01163-5

ISSN 0131—2251

ДОЛГ

Звездный путь.
Вечный блеск.
Ночь тиха.
Подступили бессонные ночи.
Ты прости мне, народ, что в стихах
Не воспел я крестьян и рабочих.
Ночь тиха.
Различим каждый звук.
Так, что я сквозь дыхание спящих
Слышу пульсы натруженных рук,
Вижу возраст и лица уставших.
Вот дитя,
 землепашец,
 кузнец

Но гармонии он не достиг.
Не хватает звена...
И стоит недостроенным зданье,
Может, лучшего стихотворенья,
И плачет душа.
Не пойдешь же с сумой по домам,
Чтоб искать состраданья,
Если от пустословья
Язык твой, увы, обнищал.
Но ведь где-то лежат,
Обитают,
Живут,
Согревают
Те, что были твоими
И праздничной делали речь.
Заклинаю!
Молю!
— Не завидуй, поэт, краснобаю!
Говорящий на ветер —
Души не сумеет сберечь!

СЫНУ

Ты был маленьким
И несмысленным.
Что ребенку дано понимать!
Но когда из родильного дома
Вновь сестру принесла наша мать,
Ты спросил:
— Почему же девочку
Мне купили?
А нужен был брат.—
Что ответить?
Коль брата ребенку
Не хватает —
Он не виноват.

Только мама опять пошутила:
— Сколько б я ни потратила сил,
Денег лишь на сестренку хватило,
О братишке отца попроси.—
Что сказать повзрослевшему сыну?
(Наши дети похожи на нас.)
— В бесконечной великой России
Сотни братьев рождаются в час.
Но с любим
(Пусть не кровные узы)
Вас земля породнила навек!..
Потому, что в Советском Союзе
С человеком в родстве человек!

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Гордость народа.
Бессмертное горло России.
Все ты оставил стране,
Навсегда уходя.
Рощи Рязанщины,
Села,
Дожди навесные,
Окна вагона
В потоках косого дождя.
Еду к тебе,
Чтоб Отчизне певца поклониться.
Что ни увижу —
Созвучно стихам и судьбе.
Речки,
Проселки,
Поля перезревшей пшеницы,
Грохот колес или сердца:
— Я еду к тебе.
Горестный мытарь,

Любовник безумный
И гений!
Все мы любили...
И я по веселью чудил.
Но, чтоб стихи
Прогремели, как ливень весенний,
Видимо, мне
Не хватало таланта и сил.
Бог ли не дал,
Иль мне бледная муза досталась,
Или с рожденья
На строчках печать немоты?
Где тот родник,
Где поэта душа искупалась?..
Может, испив из него,
Исцелюсь от тщеты,
И сердце остудит криница?..
Снова Хлопуша
В толпу воспаленно хрипит.
Снова судьба всех великих,
Как черная птица,
Тенью накрыв полстраны,
К «Англетеру» летит.
Траур народный.
Не горе — земля голосила.
Тысячи тысяч
Под гроб подставляли плечо.
Еду к тебе,
Соловьиное горло России,
Ветер поэзии
Дышит в лицо горячо.
Слышу твой голос,
Озвучивший дали и выси.
Рядом и в рифму
Стальные гудят провода.
Бог златокудрый!
Отныне,

Вовеки и присно
Еду к тебе,
Чтоб остаться с тобой навсегда.

* * *

Подстрекательство,
Злоба,
Интриги —
Вот змеиная суть подлеца.
Но в старинной написано книге:
— Подлость чаще всего без лица.
По известной пословице татов:
— Подстрекатель и храм сокрушит.

Вновь погиб без вины виноватый,
А виновный судейство вершит
Там, где Пушкин споткнулся о пулю,
Там, где Лермонтов смерти в лицо
Заглянул,
Там, опять торжествуя,
Правит балом толпа подлецов.
Что Машук им иль Черная речка,
Эти скорбные веи судьбы?..
Вновь горят поминальные свечи,
Вновь неправда готовит гробы.
Семьи рушатся!
Души страдают!
Гибнут в распрях добро и любовь.
Подстрекатель на трон восседает,
Льется,
 льется безвинная кровь!
Сколько можно терпеть нам?
Довольно!
Пусть умру,
Но в последний свой миг
Подлецу дотянусь я до горла,
Мертвой хваткой вцепившись в кадык.

ДОРОГА

(Романтическая поэма)

I

ВСТУПЛЕНИЕ

Сотни разных поэм прочитал.
Но судьба подвела черту.
Вот он, снежный мой перевал.

За спиной долина в цвету.
За спиной долина в плодах,
За спиной прошел листопад,
Над ущельем клубится прах —
Водяные брызги летят.
Над ущельем парят орлы, —
Стражи памяти и минут.
По дороге бредут воны
И века, как траву, жуют.
Над горами встает восход.
Скоро слезы прольет ледник,

И расступится вечный лед
И из трещин исторгнет крик.
Это прошлое закричит,
Так,
Что эхо вспугнет обвал...

Но пока —
Все в мире молчит,
Предо мною мой перевал.

Начинаю поэму свою.
Время вспомнить все,
что забыл.

Пусть негромко,
Но пропою
Эту песню,
Хватило б сил.
В ней дорога,
как жизнь, длинна
И, как жизнь,
увы, коротка.

Но в грядущие времена
Смотрит прошлое большевика
Потому, что для правды нет
Остановок в пути,
Преград,
Потому, что в горниле бед
Закалил ее Петроград,
Окунув точно сталь клинка
В ледяную волну Невы.

Снова Ленин с броневика
С Революцией заговорил,
Наклонившись чуть-чуть вперед,
Руку выбросив по лучу.
— Забирай свободу, народ! —
Поклонись, поэт, Ильичу!

Революция!
Грязь и мрак,
Годы ссылок и тюрем вонь
Твой глашатай,
 зажав в кулак,
Навсегда швыряет в огонь,
Черный дым над землей ползет.
Вот уже полстраны закрыл.
Поднимается беглый сброд,
Огрызается старый мир.
Революция.
Кровь и боль,
Тиф и голод со всех сторон.
Но, мечту закрывая собой,
Правда выставила заслон.
Революция!
Вера!
Мать.
Нашей партии молодой,
Не впервой тебе прикрывать
Жизни жизнью,
 идя на бой.
Не впервой тебе принимать
Грудью смерть.
Революция!
Вера!
Мать!
Разрешите мне тебя воспеть.
Разрешите мне твоим сынам,
Как в бессмертье,
В глаза взглянуть...

Штормовая грянет волна.
Каспий бьет Дагестану в грудь.
Так, что скалы
И те гудят.
(Что пред скалами человек?)

Жаль, не щепки —
Жизни летят.
Рубит прошлое новый век.
Рубит прошлое!
Стоп идет.
В реки льется кровавый пот.
И стальная звезда горит
В высоте,
И чадит восход.
На ледник оседает дым.
Смрад и копоть закроет снег.
Под суровым лучом звезды
Новый вырастет человек.
Он сегодня рождается здесь,
Он родился уже!
Смотри!
Пусть несется благая весть
По домам Темир-Хан-Шуры,
Пусть разносят ее гонцы
На танцующих скакунах.
Пусть в черкессках придут отцы
И красавицы в кабалах *.
Пусть гуляют...
Все впереди...

Скоро эхо вспугнет обвал.
За спиною прибор гудит,
Предо мною мой перевал,
Начинаю поэму.

* К а б а л а — женский танцевальный костюм.

II

ПРАЗДНИК

Невеста-весна
Расстелила вокруг изумрудный ковер.
Лес предгорий очнулся от зимнего сна.
И ручьи, точно реки, обрушились с гор
На равнину,
В ладони кормящей земли,
В дым садов,
В соловьиные чащи ветвей,
Белизной затмевая седины зимы,
Лишь бы все поскорее забыли о ней.
Лишь бы люди забыли морозную жуть
Зимних звезд
И пурги обезумевшей вой,
Грохот снежных лавин,
накрывающих путь
С жизнью путника вместе
рукой ледяной.
Лишь бы люди забыли
все то, что забыть
Так за долгую зиму хотела душа.
Соловей натянул музыкальную нить,
Лепесток облетел,
еле слышно шурша.
Это ночью,
Пока не исчезла луна.

А наутро —
В дому у Исака гульба.
Пар стоит над котлами,
И реки вина
Льются в чаши гостей, точно по желобам.
Жаркий перец,
Парчовый лоснящийся плов,
Чахохбили,
Скворчащий шашлык,
Бастурма
Славят гостеприимный и праздничный кров.
Нынче в доме Исака гуляет Мила.
Никогда не видали подобных столов
Эти бедные стены,
Хоть долго стоят.
Никогда
Столько песен про жизнь и любовь
Не слышал огрузневший от вин Джамаат.
Праздник!
Праздник гуляет!
Беднейший богат
В этот день, как никто из богатых людей.
Сын, джигит:
— Равино!
Новый маленький тат
Тянет губы на свет материнских грудей.
В комнате
на полу
возле стен — старики.
Тощий раби, обычай предков храня,
Самых старых позвал мановеньем руки
Ближе к центру,
Как возраст и вера велят.
Стул поставили в центре,
И раби сказал:
— Выводите ребенка.
Приступим к Миле.

И сынок был внесен, точно в праздничный зал.
Стоит ли этот день описаний моих?

— Сын.

Последний и первый.

Живи, Равино!

О тебе так подробен сегодня мой стих.

В честь тебя поднимают в бокалах вино.

Для тебя все гармони и бубны звучат,

И лезгинка,

чуть смолкнув, вскипает опять...

В окруженьи аульского богача

Под каштаном пирует аульская знать.

— Посмотрите.

Совсем рехнулся Исак.

Имя деда достойного дал сопляку.

Все в ауле гуляют,

но чтобы так,—

Двадцать лет работать,

и то — едва ль

Сможет он расплатиться за этот долг.

Да, конечно, чужих баранов не жаль,

Но барана не стоит его щенок.

Вы добры,

уважаемый наш Олхоз,

Знают все —

Нет границ вашей доброте.

Но чтоб столько денег бросать в навоз?

— Возвратит ли навоз вам затраты те?

— Долговая расписка всегда со мной.

И не годы,

а жизнь заложил дурак,

Думает, ребенок его,

нет, он мой.

— Подсчитайте:

что стоит бесплатный батрак?

Сколько выпили мы вина?

— Моего вина.

А заплатит Исак кому?

— Опять же мне.

— Вы правы,

Олхос уважаемый.

— Иншалла...

Знают все — кто богаче здесь и умней.

До Дербента самого ваша земля,

Скакуны ваши скачут и за Дербент.

Все бараны вокруг — Олхосовы.

— Бисмалла.

— Пусть живет Олхос уважаемый много лет.

И как сказано:

— Пусть холодна будет вода

И горячим Олхоса мудрого хлеб.

А Исака беда — уже не его беда.

Это дело тех, кто голоден и раздет.

Никогда не понять богачу бедняка.

Будто солнце средь тьмы заглянуло в окно.

Если к старости ближе, ослабнет рука,

Вся надежда на сына.

Живи, Равино!

Пусть не будет обижен пришедший сюда!

Пусть разделит веселье и радость семьи!

Пусть дымятся и льются

вино и еда!

Как обычай велит.

Как обычай велит.

Праздник!

Праздник с утра у Исака в дому,

Будто сразу все весны под окна сошлись.

И пока подавали хинкал и долму,

Ласточки прилепили гнездо под карниз.

Это к счастью.

Да будет счастлив этот дом...

Десять лет пролетит незаметно,
как миг.

И согнет батрака непосильным трудом
И, взглянув на Исака, всяк скажет:

— Старик...—

Но, взглянув на тебя, всякий скажет:

— Джигит...—

Вижу вас от зари до зари на земле,

Где бедняцкое черное солнце горит,

Как от века,

закон богачей повелел.

Рабский труд —

Вот удел и судьба батрака...

Но сегодня,

Пока разливают вино,

Мать качает ребенка на теплых руках:

— Баю-бай, Равино...

Баю-бай, Равино...

III

ВОСХОД

Длилась,
Длилась над миром тьма.
И казалось, весь мир ослеп.
Может только глупец впотьмах
Ехать в рай на слепом осле.
Но народ не ослеп совсем
И глупцом его не зови.
Видишь,
От петроградских стен
Протянулись лучи зари.
Над горами забрезжил свет.
Развернул знамена восход.
И впервые, за сотни лет,
Облегченно вздохнул народ.
Разогнулся,
Поднял глаза,
Обнажив, точно саблю — честь.
А в глазах у него —
Гроза,
Справедливость,
Свобода,
Мечь.
За ярмо, что века носил,
За слезу, что века глотал,

За лишенных последних сил,
За предсмертные хрипы рта.
За поруганную мечту,
За забитых насмерть плетью,
За бесправия темноту,
За законы — на страже тьмы.
Месть за рабство!
Октябрь встает,
Все сметая:
И зло и мрак,
Над горами горит восход,
Смотрит правде в глаза батрак.
Там все счастливы и равны,
Но за счастье такой страны —
Не на жизнь,
А на смерть борьба.
Огрызается старый мир.
То имам,
То иной царек.
Бичерахов,
Деникин ли,
Иль Гоцинский — полночный волк...
Чалмоносная свора,
мразь
Гонит брата на брата, чтоб
Сохранить над народом власть,
Оседлав, как верблюжий горб.
Чтоб и дальше народ в узде
Брел покорно под свист бича,
Помня:
— Счастье раба в труде.
Правит тот — у кого камча.

Ленин!
Ленин!
Твоя заря
Вновь в опасности.

Льется кровь.
Но, взлетел Махач на коня,
Искры брызнули из-под подков.
Искры брызнули,

осветив

Лица тех, кто за ним скакал.
Никому не сдержать порыв
В бой идущего большевика,
Если это праведный бой
Ради счастья своей страны.
— Равино!

Я скакал с тобой
Под огнем гражданской войны.
Над телами друзей стоял
В Темиргое вместе с тобой,
Где рыдал Интернационал
Медью труб,
точно в шторм прибор.

У стены со следами пуль,
Где отряд Уллубина пал,
К общей славе как штык примкнул
Эти шесть имен Дагестан.
А слова Уллубина, что
Прокричал перед смертью он,
Как стихи мой народ прочтет
И страна возведет в закон:
— Света,

что нам Ильич зажег,

Не сумеет никто затмить!
Сколько б кто ни жал на курок,
Но свободы — век не убить!
Темиргое!
Горе Страны —
Со следами от пуль вокзал...
Стоя возле этой стены,
Помни,

что большевик сказал.

Море рушит прибой на мол.
Затишает восстаний гром.
Скоро станешь ты, Равино,
Комсомольским секретарем.
И путевку в большую жизнь
Комсомольцу вручит обком:
— Равино!
Хорошо учись...—
Даль вспугнул паровоз гудком,
Разогнал,
Взбудоражил тишь...
Бьют колеса о рельсы в такт:
— Ты куда, Равино, спешишь?
— На рабфак, друзья!
На рабфак.
До свиданья, отец и мать.
Мама,
Милая!
Не грусти...—
Не успела поцеловать,
А твой мальчик опять в пути.

IV

СОВЕТ

Зима.
В холодном темном зданье,
При керосинках и свечах,
За заседаньем заседание —
Не спят солдаты Ильича.
Не спит никто.
Под ветром рамы
Гудят —
Опять на море шторм.
Клубится мрак над Дагестаном.
Опух от голода обком.
Еще Республика Советов
Слаба
И хлеба вдоволь нет.
Разруха,
 тиф,
 дома без света...
Но будет свет!
Но будет свет!
Опять в Гергебле появился
Какой-то маленький эмир.
Опять кровавый пот пролился,
Но будет мир!
Но будет мир!
Не спит обком.

Вползает в город
Холодный серенький рассвет.
Но слышно в гулких коридорах:
— У всех голодных будет хлеб!
Он должен быть.
Народ измотан.
Лишь пыль да камни на полях.
«Зерна!» —
Вопят дома без стекол.
«Зерна!
Зерна!» — кричит земля.
Пусть наши новые Комбеды
Сойдутся на всеобщий сход.
Пусть горести свои и беды
Спокойно выскажет народ.
Всем миром,
 чтоб не стыдно стало,
На помощь призовем Москву.
Ильич поможет Дагестану,
Как помогали мы ему.
О, братство трудового класса!
В далекий Кремль,
В тот страшный год
Уедет с горами Коркмасов
И, возвратившись, привезет
Портрет от Ленина
И помощь
Не сытой, в общем-то, Страны.
Но бедный дар навек запомнишь,
Коль сам был бедным и больным.

Вздохнули облегченно горы...
Но шторм на Каспии крепчал...
Не много лет пройдет,
И в горе
Замрут солдаты Ильича.
Но смерть вождя слепящим светом

Сплотит рабочих и крестьян,
И строим перед тем портретом
Пройдет скорбящий Дагестан.
Он и сейчас висит в музее.
— Как память?
— Нет.
Как знамя масс! —
Не спит обком.
Рассвет синее
Да здоровствует рабочий класс!

V

БОЕЦ

Когда-нибудь,
 припомнив, как батрачили
Вдвоем с отцом,
Ты горестно вздохнешь,
Теперь зовут тебя Роман Исакович,
А Равино — уже не назовешь.
Теперь ты инженер.
Учеба кончена.
И ленинский у сердца партбилет.
Теперь не ты,
К тебе идут рабочие,
Чтоб получить поддержку и совет.
Теперь завод — твоя семья и дом родной,
Авторитет, заботы, — долг и честь.
Но все тревожней и тревожней в городе,
Вновь недобитый враг поднял обрез.
Восстало басмачье.
Зеленым знаменем
Трясет,
 взывая к вере мусульман.
Вновь по почным аулам в рыжем пламени
Богач толкует бедняку Коран.
Горят комбеды,
Сакли активистов,
От крови татской опьянел Погром...

Вновь Партия сзывает коммунистов!
Вновь юношей сзывает комсомол!
И вновь ты — Равино!
И вновь отрядом
Командуешь, врагу на смерть и страх.
Но перед смертью вспоминают годы,
Что к милосердью призывал Аллах.
Вопят,
От страха, унижаясь, просят
Простить их грех и жизни сохранить.
Опять судьба свела тебя с Олхозом,
Чтобы уже навеки рассудить.
Все так же толст Олхоз,
Хитер и жаден.
И четки те же,
Лишь бедней одет...
— Скажите, господин,—
Чего же ради
Ко мне пришли вы?
Я отдал свой хлеб.
Я все отдал.
Смотрите — пусто в доме.
Достойнейший,
Сам на соломе сплю.
Кормлюсь,
 как все, с аллаховой ладони,
Но я, как правоверный, все терплю.
Молитвенного коврика довольно
Беднейшему,
Чтоб сотворить намаз.
Мой Господин Товарищ!
Видеть больно,
Как вы напрасно потеряли час.
Вы семь подвод добра за день забрали,
А я его всю жизнь копил в трудах.
Мой Справедливый!
Вам дадут медали,

Лишь желваки играют.
Стоит, как бледный, грозный трибунал
И пули в Темиргое вспоминает
И у стены «Интернационал»...
И стих Олхос,
 поняв всю бесполезность...
Большевика разжалобить нельзя.
И вот уже Олхос — сама любезность,
Но желтый, волчий свет стоит в глазах.
Зрачок — черней винтовочного дула.
Так смотрит смерть сквозь ледяной прицел.
Но речь
 да и улыбка на лице
Сладки, как мед из Эндерей-Аула.
— Мой Равино,
Сынок,
Зачем губить
И без того загубленного вами?
Ведь золото мы можем поделить,
И ты узнаешь, что за жизнь с деньгами.
Наш род известен всем,
А дочь Айшат,
Давно по Равино, как роза, чахнет.
Сынок!
Представь на миг, что ты богат.
Тогда ты вправе знать, чем роза пахнет.
Ты,
Нюхавший лишь землю да навоз...
К тому ж с тебя я не возьму калыма.
Давай обсудим все это всерьез:
Мне — часть,
Тебе — другую половину.
Не хочешь?
Вспомни —
Как-то твой отец
С моей отарой, в бурю, за Сулаком,
Двух тонкорунных потерял овец,

VI

ВЫСТРЕЛ

Луна,
 как ломтик дыни над горами.
Опять цветами пахнут ветерки.
Вновь соловьи цветущими садами
Владеют,
 свист развесив на сучки.
Весна под вечер высушила землю,
Вздохнула обновленная земля.
На пашне из зерна пробилась зелень
И зеленью окрасила поля.
Чуть пахнет керосином.
Светит лампа.
Мать собирает ужин на столе...
Ночь подошла к крыльцу на мягких лапах
И лунный луч приставила к стене.
В сенях отец, закутавшийся в бурку,
Сидит,
Недвижно глядя на огонь.
И хмуря брови, курит самокрутку.
В дверях дымок клубится голубой.
Все тихо.
У стола жена хлопочет...
— Хочу тебя, жена, спросить давно:

Что думаешь ты о соседской дочке?
Годится быть невестой Равино?
Стройна,

красива и не перестарок.
Родители, как мы с тобой, бедны,
А щеки

розовей ахтынских яблок...
Другой такой где отыскать жены?
Он возмужал,
Мы с каждым днем дряхлее,
Пора его, по-моему, женить.
А то

кто нашу старость обогреет?
Ведь нам с тобой еще внучат растить.
Как думаешь:
Сыграем свадьбу к лету?
Сосед не станет брать большой калым.
— Я тоже, старый, думала об этом.
Не вечно Равино быть молодым.
Жениться нужно вовремя.

А помнишь...
Как ты меня пытался воровать? —
И... рассмеялась...
Скоро ночь за полночь
Перешагнет,
а сына — не видать.

Все обсудили,
А его все нету.
Все порешили,
А его все нет.
Последний раз петух перед рассветом
Пропел,

и над горой забрезжил свет.
Затихли соловьи...
Роса упала...
Еда, остыв, нетронутой лежит...
Заснуло все...

Но вдруг!
Как рев обвала,
Как грохот рухнувших с вершины плит,
Как хлесткий звук бича,
Как по железу —
Сухой удар...
Кто слышал, тот сравнит
Любой из звуков с выстрелом обреза.
Он и сейчас еще в ушах звенит.
Завыли псы,
Пооткрывались двери.
Все жители на выстрел собрались.
У ног отца,
В распахнутой шинели
Лежал в пыли рассветной коммунист.
Дымилась рана, набухая кровью...
В руке ненужный револьвер зажат...
Седая мать рыдает в изголовье,
Но жив!
Но дышит ленинский солдат.
Он жив,

но только в комнате очнется
И успокоит плачущую мать:
— Ваш сын так просто пуле не дается.
Чуть-чуть задело.
Рано помирать.
Еще ты будешь петь на свадьбе сына,
Скажи, отец —
Иль не мужчины мы.

Подлец и трус всегда стреляют в спину,
Но их прицелы, к счастью, неверны.
Дрожит рука у подлнца и труса...
— Готовь-ка лучше к свадьбе, мать, вино...

Но только через год домой вернулся
С едва зажитой раной Равино.

Потом узнает он,
 что сын Олхоса
В него стрелял
 и позже пойман был,
Потом...
Да что потом — важней вопросы
Возникнут на пути его судьбы.
Мой Равино,
Ты вновь в строю с народом
В стальных колоннах ленинских солдат!
Когда сияют Правда и Свобода,
Не важно кто ты —
Русский или тат.

Ⅶ

ВАЛЕНТИНА

Крепнет,
Крепнет республика день ото дня.
Но безграмотность душит и тянет назад.
Говорят:

- Рад бы в рай, да грехи не велят.
- Кто же ходит в ночи, не имея огня.
- Больше специалистов —

умнее страна.

Каждый грамотный нужен сегодня, как хлеб.
А пока грамотен: раби да мулла,
Далеко не уйдешь от несчастий и бед.
В Порт-Петровск Равино пригласили,
В обком.

— Трудно с кадрами — плохо работа идет.
С положением дел на местах ты знаком.
Ближе к делу:
Безграмотен,

темен народ.

Средь партийцев? — Ученых по пальцам сочтешь,
Средь крестьян и рабочих? — Сказать не берусь.
В общем, что говорить,
Ты и так все поймешь.
Завтра утром поедешь учиться в Комвуз.—
Что солдату ответить?

— Конечно, готов!
Не впадайте, родные, в печаль и тоску.
Мама!
Больше еды на дорогу готовь —
Сын твой едет в Москву!
Сын твой едет в Москву!
Сын твой едет в столицу!
— Будь счастлив, сынок...

Снова лекции,
книги,
зачеты, труды...
Но в науке познания нет легких дорог,
Хорошо, если вышел ты в путь молодым.
Хорошо,
что ты молод и все по плечу.
У тебя впереди еще целая жизнь.
Только рана —
нет-нет да приводит к врачу,
Но и это пустяк,
Знай живи да учись!
Ах ты, Молодость! —
Гимн человечьей души.
Ах ты, Молодость! —
Время надежд и любви.
Хорошо,
что ты вечно куда-то спешишь
И веселая сила бушует в груди!
Хорошо,
просыпаясь, куда-то бежать!
В дребезжащий трамвайчик вскочить на лету
И... еще поднажать
и... еще поднажать!
И...
Средь площади встретить любовь и мечту,
Валентина!
Любимая!

Все сумели вдвоем мы с тобой, Равино.
По горам еще русская речь зазвучит
И на русском наречии, как на родном,
Первым
 будущий мальчик наш заговорит.
Будет все хорошо...

Поначалу Исак
Неприветливо принял приезд молодых.
Поначалу не мог он смириться никак,
Что не татка снохой будет в доме у них.
Но когда Валентину поближе узнал,
Понял,
 как им на старости лет повезло:
Что бы ни попросил,
Что бы ни приказал,
Все исполнит мгновенно жена Равино.
Не нарадуются старики на нее.
Хороша.
Образованна.
Учит других.
Скоро внуком иль внучкой украсит жилье...
Или лучше —
Родила бы сразу двоих.
То-то праздник!
Лелеять его и беречь...
Молодые готовы,
И счастлив Исак,
И звучит в Дагестане российская речь,
И язык Ильича понимает батрак.

VIII

ГОРЕ

Красный Дагестан!

Тебе тринадцать.

Кто-то скажет:

— Разве это срок?

Детский возраст.— Стоит ли оваций?

По сравненью с веком —

сосунок.

По сравненью с жизнью —

просто мальчик.

По сравненью с вечностью — пустяк.

— Что ответить головам горячим?

Вы, конечно, правы.

— Это так.

Но скажите мне,

за это время

Кто еще так далеко шагнул?

— Не годятся вековые меры,

Если город встал,

где был аул.

Если встал завод на месте поля.

Если вырос парк,

где был пустырь.

Если в новом парке возле моря

Ленин смотрит в город с высоты.

Мы пойдем хоть к черту на рога.
Не преграды не страшны,
Не горе,
Лишь бы помнил сердцем и хранил
Пули на вокзале в Темиргое
И вот этот ряд родных могил.
Равино!
Держись!
Родные лица
Ты не позабудешь никогда.
Не сломить железного партийца,
Если столько впереди труда.
Строить ГЭС,
Прокладывать каналы,
Выводить на светлый путь народ,
Там, где рельсы падают на шпалы
Дальше,
 дальше
И всегда — вперед.
Там, где льется сталь,
Вздыхают прессы,
Там, где плуг взрезает целину.
Там,
 где первый ЛЭП
 над диким лесом
Тянет к свету новую страну.
Там, где встанут вышки буровые,
Там, где...
Равино! Родной,
Держись!
На просторах молодой России
Столько дел!
Пусть торжествует Жизнь!

IX

ОБРЫВ

Утро.
Открыто окно.
Ветерок,
Мягко вздыхая, шалит занавеской.
Точно котенок
Иль глупый щенок.
Выгнет,
 потянет
 и выбросит резко.
То пощекочет, закрутит, свернет,
То вдруг отпустит,
 заслушавшись птицей,
Тихо сидит за столом Равино,
Утро настало,
А что-то не спится:
Грустно в квартире пустой без семьи.
Пусто и грустно...
Когда б не работа,
Чем бы он занял воскресные дни?
Да еще рана задержалась что-то.
Ноет все чаще.

Должно быть, к дождям.
Долго, ох долго дождей не бывало...

.
Луч проскользнул по портрету вождя
И передвинулся ближе к дивану.
Вот зароились пылинки в луче,
Будто бы в детстве,

сквозь крышу сарая...

Столько подряд одиноких ночей
Длятся тоскливые воспоминанья?
То Валентина,
То мать, то отец...
Или же сын — сновидений отрада...
Сколько родимых и близких сердец
Ты потерял?..

Но об этом — не надо.

Если б не труд,
Чем бы мысли занять?
Вот и пиши себе,

если задумал

Книгу о жизни страны написать,
О пареньке из глухого аула.
Книгу о времени и о себе,
Книгу о людях

от кузниц и пашен,

О Дагестана нелегкой судьбе,
Книгу о славе товарищей павших,
Ты поседел, Равино,
Ты устал.

Вечно в бегах от объекта к объекту.
— Там — не хватает стального листа,
Там — не хватает простого совета,
Там без машин встало дело.—
— Простой.

Ты — за любую промашку в ответе.
Что говорить...— человек холостой.
Ешь на колесах,

А спишь в кабинете.
— Ах эта книга!
И опыта нет.
Видно, и ты уж не тот, что был прежде...

.

Трое без стука вошли в кабинет
В синей, безликой, казенной одежде:
— Руки на стол.
Вот вам бланк на арест.
Вы арестованы.
Не шевелиться.
— Есть ли оружие личное?
— Есть.
— Есть? Значит, потенциальный убийца.
Много вас по кабинетам контор.
Встать!
Выходи, недобитая контра.
— Но по какому приказу?
За что?
— Если мы здесь,

сам узнаешь — за что там.

В НКВДе разберутся в момент.
И не с такими, как ты, разбирались.
Ишь,

Недоволен арестом —
Студент!

Много вас здесь, сволочей, окопалось,
Руки за спину!
В машину!

— Куда?

— В сторону моря.
Приедем — узнаешь.

.

В черные
В тридцать седьмые года
Ты, Равино, навсегда уезжаешь.

· · · · ·
В новом порту, возле мола прибой
Тяжко вздыхает,
и мечутся чайки,
Слышен сирены спасательный вой,
Шарит ослепший прожектор во мраке.
Тьма над Россией.
Читатель, прости —
Я обещал тебе песню о счастье.
Счастье мое затерялось в пути,
В сером,
на долгие годы, ненастье.
В час, когда начал поэму поэт,
Солнце,
едва поднимаясь, светило.
Даже в ночи нам сиял партбилет,
Если очаг и лучина коптили.
И перед смертью надежда жила.
Верилось —
Лучшее — не за горами.
Песня!
Расправь два победных крыла!
Нет.
Не напрасно друзья умирали!
Нет, не напрасно!..
Хватило бы сил
Все пережить нам
И голосом чистым
Правду сказать,
как ты ждал и просил.
Правдой воспев
Правоту коммуниста.

Х

АПРЕЛЬ

Сотни разных поэм прочитал,
Но сегодня свою прочту.
Подо мною мой перевал,
Предо мной отчизна в цвету.
Предо мною апрель,
апрель!
Будоражит планету весть:
— Нами в космос открыта дверь!
Честь и Слава!
Хвала и честь!
Честь Гагарину!
Честь стране! —
Восхищенно глаза горят:
— Скоро встретимся на Луне! —
Парни девушкам говорят.
Имя Юра — знакомо всем
И на всех языках звучит.
Юра — точно сады в росе,
Юра — точно родник журчит.
Юра — это улыбки свет.
Улыбается вся Москва.
Все бульвары,
Проспекты все
В транспарантах и лепестках
Расцветающих яблонь, слив

Вишен,
груш.
Зацвела сирень.
И черемуховый разлив
Забросал белой пеной день.
Я шагал по Москве
и пел.

Сердце пело,
И пел народ,
Затопляя весенний Кремль,
Как салютами небосвод.
Что нам звезды! — Рукой подать!
Этот день не забыть вовек,
Как звезда между звезд летать,
Научился наш человек.
В министерство свое зайду,
В быстром лифте взлечу наверх.
Так легко,
Точно я звезду
Облетел на виду у всех.
Все сегодня обнять готов:
Секретаршу в приемной,
свет

Из окна,
Тишину ковров
И в янтарных лучах паркет.
Предъявлю документ.
Смеюсь,
В нужный мне кабинет войду.
Так легко,
будто я сейчас
Облетел в высоте звезду.
Мне навстречу мужчина встал.
Смуглолицый, как я,
Седой
И...

.

Ты адрес дашь.
Что мне адрес,
 коль жизнью, тат,
Я обязан тебе.
Ты наш,
Дагестана седой солдат.
Расстаюсь с тобой до поры,
Навсегда —
Поэма не даст.
Нет давно Темир-Хан-Шуры,
Есть красивый город Буйнакск.
По проспектам его иду,
По местам,
 где родился ты.
Где репейник цвел на беду,
Ради счастья цветут цветы,
Где лежал ты в кровавой пыли,
Зданья как паруса плывут.
Птицы реют поверх земли.
Дети в школу с утра бегут.
Белоснежные облака,
Точно души твоей родни —
Мамы,
 Вали,
 отца,
 сынка —
Неподвижно стоят вдали.
В синеве,
 наравне с орлом,
Средь немыслимой чистоты.
Царь небес!
Не задень крылом
Этих странников высоты.
Им еще далеко лететь.
Через весь Дагестан туда,
Где бессмертья горит звезда.
Лишь бы память хранила вас,

Как поэма моя хранит.
Величавый седой Кавказ.
Дремлет весь —

веками обвит

Подо мною мой перевал.

Подо мною кремнистый путь

В жизнь,

где громче, чем все слова,

Каспий бьет Дагестану в грудь.

Бьет

И будет греметь века

До скончания дней,

пока

Бьется сердце большевика!

Бьется сердце большевика!

* * *

Дочь матери пишет:
Что замуж выходит
И хочет навечно в столице остаться,
Что сердцем она лишь в родимом народе,
Но, видимо, реже придется встречаться.
Что счастье нашла она в городе древнем
(Прописка в Москве — не последнее дело),
Что жаль расставаться с родней и деревней,
Но мужу перечить она не посмела.
Что мать беспокоится зря об учебе,
А молодость разве для свадьбы помеха,
Что юность провинция только угробит,
Жениться же старой — народу потеха.
Чтоб писем с упреками больше не слали,
Что повода нет для тревог и волнений.
Пусть вспомнят, к примеру,
Как прожили сами,
И не осуждают ее поколенье.

Однажды,
В Москве оказавшись по делу,
Я встретил в метро эту шуструю татку,—
Накрашены брови,
Слегка располнела,
Но взгляд выдавал уже цепкую хватку.
И все ж был ей рад.
Как-никак, а землячка.
Узнала,

Обычай приветствия вспомнив,
Домой позвала,
А бывает иначе —
Пройдут, не взглянув и кивнуть не изволив.
История выглядит, в общем, банально —
Кокетничая, приготовила ужин
В стандартной и тесной дыре коммунальной,
Как брат был представлен я старому мужу.
Зачем было врать? —

Не пойму.

Со стакана

Вина опьянев, меня чмокнула в щеку.
Поняв, что смущен, приняла за профана
И стала посмеиваться втихомолку.

О, женщины!

Кто вас поймет и рассудит.

То, глазки состроив, улыбкой помянут,

То, брови нахмурив, желанье остудят...

Поди разбери —

Где всерьез, где играют.

Я знал вас.

Довольно от вас натерпелся.

Все молоды были,

Но зрелость приходит,

И женская ложь, как тумана завеса,

Спадает, и видно, кто за нос нас водит.

Вернемся на землю.

Когда мы остались

Вдвоем, проводив захмелевшего мужа,

Она мне, оправдываясь и сбиваясь,

Поведала, что я и сам знал не хуже:

— Земляк!

Мне понятно твое удивленье,

Меня осуждаешь ты верно, быть может,

Но только войди и в мое положение:

В столице пожив, дома жить ты не сможешь.

Что делать?

Экзамены я завалила,
Понравилось здесь, и решила остаться.
К тому ж — подвернулся с квартирой мужчина,
Фиктивно женилась, лишь бы прописаться.—
Он скоро получит другую жилплощадь,
А эта достанется ей.
Все довольны...
Ну как объяснить этой дуре попроще,
Что не за нее мне так стыдно и больно.
К чему эта темная цепь махинаций,
Позорящая — навсегда — человека?
Коль можешь позволить себе унижаться,
То ты унижаешь достоинство предка
И честь,
Что превыше всего была татам.
На родине нашей все парни красивы.
Там буйство садов
И дома, как палаты,
Среди родников, возвращающих силы.
Зачем обрывать неразрывные связи!
Забывшие край свой — счастливы не будут!
Забывший, кому ты рождением обязан,
Не сетуй на то, что тебя позабудут.

* * *

— Отнимая у кого-то счастье,
Мне чужого счастья не дари.
Но я слышу,
 к сожаленью, часто:
— Если что понравилось — бери.
— Мне не нужно ничего, товарищ.
Вдруг ты и меня потом подаришь.
О таких, как ты,
 мне друг поведал:
— Все равно, что подарил,
Что предал.

CECTPE

Каждый раз,
Как сестренку увижу,
Вспомню нашу несчастную мать.
Милые!

Сколько же испытать
Вам обоим пришлось,
Чтобы выжить?
Как похожи две ваших судьбы!
Доля женская,
Лютая,
Злая!

Две морозных вдовьих звезды
Вам светили во мраке, мерцая,
Озаряя сиротство детей
Бедным светом беды и печали...
Обе рано лишились мужей,
Мать — еще до войны,
Ты — в начале.
Шутка ль — сразу двоих воспитать
Средь войны,
 голодухи,
 разрухи.

На коленях готов целовать
Ваши — в шрамах — рабочие руки.
И теперь,
Когда толстый твой внук
Носит имя погибшего мужа,
Не слезая у бабушки с рук,
Улыбаясь, живет и не тужит,
Вправе ль я позабыть о былом?
Татки!
Женщины!
Матери!
Вдовы!

Будет вечным родительский дом,
Если будете вы в этом доме.

ЗОЕ СЕМЕНДУЕВОЙ

Труженица,
Поэтесса,
Мать.
Как одна звезда
В ночи беззвездной,
Ты светила мне,
 чтоб я писать
Мог стихи,
Хоть все твердили:
— Поздно.—
Но, твою поэму прочитав,
Сам ее я становился частью.
Детство в тате маленьком узнав,
Как (быть может) ты,
И я был счастлив.
Пусть судьба героя нелегка,
Сердце жадно ищет утешенья...
Точно мать ребенка на руках,
Нянчишь ты свои стихотворенья.
Оттого они понятны всем.
Оттого они чисты и зримы,
Как соцветья в утренней росе,
Как воды глоток,
Как запах дыма.
В честь тебя хоть строчку написать
Восхищенному позволь поэту.
Иль прими стихотворенье это,
Труженица,
Поэтесса,
Мать.

В ДЕНЬ ПОХОРОН

Помню — в тот день,
Когда кончилась юность под звуки
Женского плача —

в слободке преставился дед,
Тихо сложив на груди изможденные руки,
Славно прожив девяносто (без отдыха) лет.
Помню отчетливо крики и вопли соседок.

Бедные,
До крови били себя по щекам,
Волосы рвали,
Как будто все горе и беды
Им лишь на плечи обрушила смерть старика.

Дочь его помню,
Одетую в черное платье,
Средь голосащих, застывшую тихо в углу...

Если соседок послушать,
— По древним понятиям —

Дочка должна причитать, а она — ни гугу.—

И зазмеился в толпе шепоток осуждения,

Гул недовольных,

Язвительный говор старух:

— Иль ты не татка уже Хайсере по рожденью,

Если твой разум к обычаям прадедов глух.

Что ты не плачешь,

не бьешься,

не воешь от горя?

Это тебе, а не нам был царем твой отец.—

Там, где соседки наплакали целое море,

Дочь и слезы пожалела...

— Очнись наконец.

Можно подумать — ты рада кончине отцовской? —

Грустно вздохнув,

Так ответила им Хайсере:

— TOT,

кто и в горе кичится своим превосходством

Только на людях,
Не кажется искренним мне.
Разве сравнима беда моя с вашей бедою.
Иль та,
 что громче заплакала, та и родней?
Вот почему я свой плач уступаю достойным
Соревноваться на громкость в угоду молве.—
А милосердьё людское иль состраданье
Вечно живут,
Не завися от сплетен и склок...
Годы прошли.
Пусть немного осталось до края,
Речь Хайсере до сих пор позабыть я не смог.

* * *

Шестнадцать раз подряд женился Симон.
Так жизнь прожил,
А будто проплясал.
Шестнадцать сыновей по всей России,
Как кукушат, по гнездам разбросал.
Шестнадцать добрых женщин опозорил,
Гуляка праздный,
 ловелас,
 жуир.

Теперь, состарясь,
Сыновьям на горе,
Разжалобить пытается весь мир.
Грозит судом,
Твердя об узах крови,
Строчит доносы на детей родных.
О том, что силы вместе со здоровьем
Извел вконец,
Воспитывая их.
О том, что, видно, совесть потеряли —
Совсем забыли старого отца.

И что теперь
За все его старанья
Он ждет добра, как нищий у крыльца.
Так время шло.
Везде его жалели,
Пока пройдоху суд не раскусил.
Покуда дети от стыда краснели,
Наш проходимец жил, как в масле сыр.
И счас живет.
Но жалостью людскою
Сыновью теплоту не заменить.
Кто, жизнь прожив,
 лишь жалости достоин,
Наверное, не должен был и жить.

ЖЕРТВА ОБЫЧАЯ

Зарбой много раз был женат,
Только жен
Подолгу вниманием не баловал он.
Всегда находилась другая жена,
И брак разрешал награжденный мулла.
Так жил от развода до свадьбы Зарбой,
Довольный муллой
И довольный собой...
Вот снова на свадьбе гуляет народ,
Лишь утро:
— Подайте Зарбою развод,
Поскольку бесчестная эта жена
До свадьбы Зарбою была неверна.—
Район забурлил,
Сластолюбца кляня,
Немедля к врачам обратилась родня...
Оправдана девушка к чести родных,
Негодным для брака — был признан жених.
Отцом лишь в мечтах мог быть хитрый Зарбой,
Но вот как себя оправдал наш герой:

В день,
Когда семья тебя решила
Выдать за двоюродного брата.
Помню —
Долго ты переживала...
Лишь отцовской воле уступила
(Как любая татка уступала).
Помню, как ребенка ты родила.
Стала жизнь подобна черной ночи.
Бедная!
Побои,
 ругань,
 ссоры...
Помню твои траурные очи,
Но тогда не выносили сора.
Все в дому держали.
А на людях —
Тишь да гладь.
И долго ты держалась.
Как вы жили — говорить не будем.
К счастью, все равно потом расстались,
Жить бы...
Только горе ходит рядом.
— Мать с отцом ушли навеки к богу.
Брат,
 сестренка
 да своя отрада.
Трое на одних руках...— Не много ль.
Ночи!
Ночи женщин одиноких!
Слышал кто-нибудь, как воют души? —
Это страшней, чем воют волки.
Но, не дай вам бог тот вой послушать!
Дети,
 служба,
 вечером учеба.
Рухнешь на подушку — чуть живая.

Доля!
Доля!
Кто не знал — не пробуй!
И врагам своим не пожелаю.
Так далась тебе твоя свобода,
Молода еще иным на зависть.
Только имя,
 честь и слава рода
Чистыми и гордыми остались.
Доля!
Доля!
Женщина седая!
Инженер...
Хозяйка, лучше нету...
Многих дутых я героев знаю,
Ты достойней всех.—
Поверь поэту.

* * *

Север, Север!
Кто там был, тот знает,
Что страшней морозов не бывает.
Я там жил,
Но холодов не помню.
Потому, что рядом ты была.
Милая моя, своей любовью
Холода от сердца отвела.
Милая!
Соскучившись по югу,
Я вернулся к морю, точно к другу.
Думал возле Каспия погреться.
Только зной тропической земли
Лютотой стужей показался сердцу.
Потому что ты была вдали.
Ты не солнце вроде и не вьюга,
Не хозяйка севера и юга,

Теплых стран
И заполярной ночи.
Милая моя!
Мой верный друг!
Там, где я бессилен,
Ты захочешь —
Станут знойным север,
Зябким — юг.

СОН

Сколько лет к тебе не мог я прикоснуться!
Сколько долгих лет ты мучила меня!
Все гадал —
Когда ж сердца наши забьются
Рядом,
Около любовного огня.
Наконец-то,
 снизойдя,
 ты мне явилась,
Точно облачко, воздушна и легка.
Как из рая,
 тихо музыка струилась,
Наши души унося под облака.
На столе в бокалах отражались свечи,
Все дары земли,
Лишь только для двоих,
Предназначены нам были,
И весь вечер
Я губами пил вино из губ твоих.
Ты светила вся
 улыбкой и глазами!
Вся смеялась,
 ликовала и влекла!

Если б образ твой я смог воспеть стихами!
Но тебе подобных — не нашел пока.

Навсегда останешься без милой,
Если будешь долго выбирать.—
И теперь,
Когда гляжу с вершины
На беспутино прожитые дни,
Вспомнив о пословицах старинных,
Понимаю, как правы они.
Пролетела молодость!
Промчала!
Но в тебя, как прежде, я влюблен!

Белый снег кружит над перевалом,
Ветер дует с четырех сторон.
Что сказать охотнику за счастьем
Старым,
Ставшим дедами друзьям?
— Если разрывасшься на части,
На успех рассчитывать нельзя.
За удачей призрачной гоняясь,
Вот и я остался холостым.
Милая!
Рассмейся, как смеялась,
Или неудачника прости.
Я люблю твой смех,
Улыбку,
Руки!
Хочешь — к ним губами припаду!

Снегопады боли и разлуки
Над горами медленно бредут.

* * *

Гордячка!
С чем я к ней ни подходил:
Вниманьем окружал,

Дарил подарки.
О свадьбе разговоры заводил...
За счастье быть с ней ничего не жалко.
Платить калым зазорно, говорят.
Но я любой калым отдать бы рад
За взгляд один,
За благосклонность милой.
Готов блюсти адап иль шариат,
Как родственники девушки велят,
Лишь бы она ко мне благоволила,
Я одарил бы всю ее родню.
Луну захочет —
И луну достану.
Потребует звезду,
 хотя б одну,
Сорву все звезды с неба Дагестана...
Но все напрасно.
Угрожал, молил,
Пугал,
На жалость вызывать пытаюсь:
— Моей не будешь,
Брошусь со скалы! —
В ответ гордячка только рассмеялась.
Родители ее согласны,
Но,
Поставили условие одно:
— Мы знаем — ты влюблен и не отступишь.
Ее пытались мы уговорить,
Твердя, что ты безумно дочку любишь,
Теперь заставь ее себя любить.
Сумеешь — и она навек твоя... —
С надеждой устремился к милой я
И вот что от красавицы услышал:
— Да, ты богат
И у тебя все есть.
Любая стать твоей сочтет за честь.
И красотой

И статью — всем ты вышел...
Но разве зря один мудрец сказал:
Оправу выбирает бирюза,
А с бирюзой и олово играет.
Но ты желаешь все наоборот,
Кольцо без бирюзы не оживет.
Чего-то тебе, парень, не хватает.

Ты — несравненна!
И... — красив жених!
Как гость, я пью вино за вас двоих.

ИЗ ПРОШЛОГО

Однажды сына ханского спросили:
— Дочь пастуха бедна и некрасива,
Росла в глухом лесу,
Среди овец,
Черна лицом,
Худа, груба, спесива...
Что в ней нашел ты — баловень сердец
И похититель снов всех дев сераля,
Нам не понять?
Откройся наконец.—
Но юноша, сгорая от любви,
Вот что ответил на вопрос родни:
— Чтоб равных ей найти среди гурий рая,
Вам надобно иметь глаза мои.

В ПОДРАЖАНИЕ ВОСТОЧНОЙ ЛИРИКЕ

Я прошу тебя, милая,
Не выходи,
Если ветер повеет прохладой.
Я боюсь,
Что, к твоей прикоснувшись груди,

Он тебя не отпустит из сада.
Что, едва проскользнув по лицу твоему,
Он украдкой тебя поцелует.
Я прошу тебя:
Не доверяйся ему.
Потому что и к ветру ревную.
Если ж нравятся ласки тебе ветерка,
Озорство его и дуновенья,
Пусть моя вместо ветра ласкает рука
Всю тебя
От волос до коленей.
Я прошу тебя:
Не выходи по утрам
К морю синему
 в солнечном платье.
Я ревную и к морю.
Твоя красота
Для моих, а не водных объятий.
На руках убаюкаю,
 как на волне,
Поцелуем, как солнцем, согрею.
Потому, что тебя и к морской синеве
Я ревную
И благоговею.
Я прошу тебя,
Если дожди зачастят,
Выходить — упаси тебя боже,
Потому, что и капли мне боль причинят,
Так они на слезинки похожи.
Лишь одна задрожит на реснице твоей,
Сердце может от боли взбеситься.
И ревнуя к дождю,
К ветерку
И к волне,
Я готов с целым миром сразиться.
Пусть любой из мужчин,
 что коснется тебя,

Отчизна птичьих свистов,
Край опустевших гнезд,
Страна сырых ветров.
Сквозь шорохи тропа,
Сосредоточье мыслей,
Спокойный сердца стук,
Неспешные шаги.
Там с каждого листа,
Как серьги, капли виснут,
Готовые упасть,
И шепчут — помощи.
Древесная судьба
Или прощанья слезы?
Чем ближе холода —
Безжалостней ветра.
О, если б задержать
Грядущие морозы,
Слепящие снега,
Когда земля мертва.
Но это никому
Еще не удавалось...
До той поры, пока
Бушует листопад,
Душе моей лететь,
К беде не прикасаясь,
Пока последние
Листы не облетят,
Уйдет пора ветров,
Придет пора ненастья.
Отморосят дожди,
И кроны обнажат
Так, что уж никакой,
Пусть самый лучший мастер,
Не в состоянии
Листвы вернуть назад.
Тогда садовник в парк
Придет с метлой и трутом

И желтый/шум вершин
В один костер сгребет.
Но, может быть, к огню
В последнюю минуту
Похожий на меня
Прохожий подойдет.
Гори, листва!

Твоя
Душа воздушней дыма!
Твоя судьба — пропасть,
Как птица в облаках.
Но память о тебе
Вовек неистребима,
Как этот листопад,
Оставшийся в стихах.

О ПОЛЬЗЕ ДОБРЫХ ДЕЛ И ПОГОВОРК

Уж лучше б не оказывал услуги,
Чем, раззвонив об этом всей округе,
Меня ты попрекаешь каждый миг:
Что ничего б я в жизни не достиг,
Коль не пришел бы ты на помощь другу,
Но доброты не помнит твой должник.
Да,
Нужно быть правдивым:
— Ты бы мог
Мне не помочь,
Но сколько я помог
Тебе потом деньгами ли, советом?
Не сосчитать.
И ни к чему считать.
Должны друг другу люди помогать,
Но не кричать потом везде об этом.
Все ж справедлива поговорка та:
— Позором обернется доброта.

Снова ритмы мне диктуют строку.
Вот пишу,
А надо мною звезда,
Что сияет и тебе, мой Кукул.
Поздно начал я...
Да, кто виноват,
Если молодость пришлась на войну,
Если долго я не жил среди тат...
Но и это не снимает вину.
Вот пишу тебе,
А словно бегу.
Тороплюсь,
Пытаюсь время нагнать,
Но дыхание не то.
Не могу.
Слишком поздно, видно, начал писать.
И печалюсь, как все,
и скорблю.
Только вдвое тяжелее мой груз.
Если ты легко сказал:
— Я люблю!
— Я люблю — сказать так просто боюсь.
Что ж...
Ты молод.
Так смелее иди.
Но и я еще не все прозевал.
Если видишь ты весну впереди,
Что с того,
Что мой в снегах перевал?
И не вправе седины я склонять.
До поры,
пока нам светит звезда,
До поры,
пока могу я писать,
Лучше поздно,
Чем совсем никогда.

* * *

— Человек!

Что принес в этот мир ты с собой?

— Ничего не принес.

— Что возьмешь,

Навсегда уходя, ты с собой?

— Ничего не возьму.

— Так зачем же всю жизнь ты добро собирал?

Отвечай на вопрос.

— Думал, новый придет,

И все то, что собрал,

Пригодится ему.

ВРЕМЯ ПАМЯТИ

Вспомнил детства приметы,

Как ласточек крик.

Точно ветер весенний мне память вернул.

И очнулся годами молчавший родник,

И петух разбудил довоенный аул.

Это было давно.

Это было сейчас.

Мяч из тряпок,

Футбольной атаки азарт.

Вновь с последних уроков сбежит первый класс,

Чтоб на льдинках проплыть через солнечный март.

Ноздреватые глыбы ползут по реке,

Под ногами крошится иголками лед.

Брызги!

Смех!

И летят журавли вдалеке...

И кричат...

И плакучая ива цветет.

Мама!

Милая!

Стоит ли переживать.
Твой чумазый ребенок еще подрастет
И забросит рогатку и мяч под кровать,
А пока...
По ветле,
 обдирая живот,
Лезет к солнцу,
Весь в ссадинах и синяках,
Где живет меж ветвей воробыный народ,
Где с утра,
Передразнивая петуха,
Говорящий 'скворец на вершине поет.
Мама!
Дай наиграться ему.
Впереди
Столько горя,
Что рваная майка — пустяк.
Накорми и утешь и в постель проводи.
Пусть приснится ему наш тенистый овраг,
Где проснулся молчавший годами родник
И напомнил мне первых свиданий слова...
Не грусти,
Ты пока далеко не старик
И не вся поседела еще голова.
Это мужество гордо стоит у ворот.
Время выйдет,
И старость предъявит права.
Но всегда на земле будет жить твой народ,
Если память жива!
Если память жива!

ПАМЯТИ ДРУГА

Не спи, поэт!
Твой труд угоден богу!
А жизнь уже другим принадлежит.

Твой бог — убог.
Но в комнате убогой
Душа певца с грядущим говорит.
Так день и ночь!
Так ночь за днем!
И снова
Бессонный свет.
Столетия и века,
Рождаясь в муках,
Возникает слово,
Сияет путеводная строка.
Дерзнувший мыслить,
Да не отречется!..
Но можно ль описать, не увидав,
Поля пшеницы под палящим солнцем
Или луга в дыму цветущих трав?
Иль соль и пыль,
Что разъедает тело,
Когда грохочет по земле страда?
Сумеет разве
 не познавший дела
Воспеть величье черного труда?
Возможно разве
 вечное светило
Восславить словом,
Не отдав другим
Тепло и доброту,
Любовь и силы,
Голодным — хлеб
Или приют — нагим?
Хлебнувший жизни
Равнодушен к славе,
Ежеминутных почестей тщета
Ему чужда,
Пока во тьме сияют
Свеча труда и чистота листа.
Не спи, поэт!

Сжигай себя!
И я бы
Хотел, отдав полжизни в пустоту,
Найти свой путь с твоей дорогой рядом,
Держа мечту, как свечку на ветру.
Пусть жжет ладони!
Лишь бы сердце пело
И исторгало песню из груди.
Не спи!
Ты перед этим светом белым
За всех в ответе
И навек один.

СОДЕРЖАНИЕ

Долг	3
Слова	4
Сыну	5
Сергею Есенину	6
«Подстрекательство...»	8
Дорога (романическая поэма)	
I. Вступление	9
II. Праздник	13
III. Восход	18
IV. Совет	22
V. Боец	25
VI. Выстрел	30
VII. Валентина	34
VIII. Горе	38
IX. Обрыв	42
X. Апрель	46
«Дочь матери пишет...»	51
«— Отнимая у кого-то счастье...»	53
Сестре	54
Зое Семендуевой	55
В день похорон	56
«Шестнадцать раз подряд женился Симон...»	57
Жертва обычая	58
Доля	59
«Север, Север!..»	61
Сон	62
Тебе	63
«Гордячка!..»	64
Из прошлого	66
В подражание восточной лирике	66
«Вот сонеты о вечной и светлой любви...»	68
Осенний романс	69
О пользе добрых дел и поговорок	71
Хизгилу Авмолумову	72
Амалдану Кукулу	74
«— Человек!..»	75
Время памяти	75
Памяти друга	76

Алексей Иханович ЯКУБОВ

ОТЧИЗНЫ НЕДЕЛИМЫ НЕБЕСА

Перевод с татского Юрия Уварова

Ответственный за выпуск **И. Жеглов**

Редактор **Ю. Лубченков**

Художественный редактор **Г. Комаров**

Технический редактор **Н. Александрова**

Корректоры **Н. Понкратова, И. Ларина**

Сдано в набор 08.08.89. Подписано в печать 12.02.90. Формат 70×108 1/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 3,5. Усл. кр.-отт. 4,02. Учетно-изд. л. 3,5. Тираж 15 000 экз. Цена 35 коп. Издат. № 252. Заказ 9—403.

Адрес редакции: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сушчевская ул., 21.
Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

ISBN 5-235-01163-5

ISSN 0131—2251

35 non.

